

ПРЕДМЕТНЫЕ МЕТАФОРЫ ЗВЕЗД В ЛИТОВСКИХ И РУССКИХ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

Елена Коницкая

Вильнюсский университет, Вильнюс
<https://orcid.org/0000-0003-2402-7278>

Бируте Ясюнайте

Вильнюсский университет, Вильнюс
<https://orcid.org/0000-0002-7053-1283>

<https://doi.org/10.15388/VLLP.2021.22>

АННОТАЦИЯ. В статье, продолжающей цикл исследований метафор природных явлений, рассматриваются метафоры звезд, выявленных в творчестве 40 литовских и 54 русских поэтов. Рассматриваются предметные метафоры, составляющие наиболее многочисленную и самую интересную с этнолингвистической точки зрения группу из шести установленных для метафор звезд семантических групп. Предметные метафоры звезд могут быть как субстантивными, так и глагольными. В статье основное внимание уделено субстантивным метафорам. Они распределены в девять групп: 1) нечто написанное, начерченное, вышитое (буквы, письменные тексты, книги, чертежи, узоры); 2) осветительные приборы, средства для освещения; 3) одежда, ткани, пряжа, вязанные или плетеные предметы; 4) мелкие металлические, блестящие, округлые или острые предметы (украшения, монеты, гвозди, иглы, оружие и др.); 5) здания и их части; 6) кухонные принадлежности; 7) еда и напитки; 8) транспортные средства; 9) фрагменты крупных объектов, обломки. Исследование показало как сходство поэтических систем двух языков, в которых представлены одни и те же метафорические модели, так и различия. Наибольшее число предметных метафор звезд в обеих поэтических традициях относится к первым четырем из указанных групп, три следующие меньше распространены, периферийное положение занимает метафора звезда — транспортное средство. Различия двух поэтических систем может обуславливаться различиями культур и традиционных названий звезд и созвездий в языке. В статье отмечено, что поэтическая авторская метафора и в литовском, и в русском языках может коррелировать с фольклорной традицией — с загадками, пословицами, легендами, традиционными представлениями о мире, которые зачастую оказываются общими.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: метафоры природных явлений, литовская поэзия, русская поэзия, сопоставление поэтических метафор, метафорическая модель, метафоры звезд.

1.1.

Как мы знаем, звезды – весьма удаленные от нас небесные тела, которые мы видим на темном звездном небе как маленькие светящиеся точки. С древних времен людям было свойственно наблюдать звездное небо, связывая его как со

своей практической деятельностью, особенно с нуждами земледелия или мореходства, так и с различными проявлениями поэтической фантазии. Рисунок какого-либо предмета, человека или животного, который, по представлениям людей, образуют звезды на темном фоне, традиционно называется созвездием. В разных культурах одно и то же расположение звезд может трактоваться по-разному. Литовцы видимую на звездном ночном небе светлую полосу называют *Paukščių kelias* или *Paukščių takas* 'Птичья дорога / Птичий путь', русские — *Млечный Путь* (ср. также укр. *Молочний Шлях*, УМ 321), а словенцы — *Rimska cesta* 'Римская дорога'. Небольшой африканский народ басуто, говорящий на языке сесото, называют ее *Путь богов*, турки — *Путь пилигримов* (Тайлор 1989, 173). Подобно этому, созвездие под привычным для европейцев названием *Козерог* австралийские племена знают под названием *Кенгуру* (там же, 172), а Орион по-чувашки называется *волк-звезда* (ЧУ, ст. *Космонимы*).

Особенно сложные метафоры звезд и созвездий встречаются в поэтических текстах разных народов. Это относится как к характерным для традиционной этнической поэзии текстам — образцам коллективного творчества (загадкам, пословицам и поговоркам, традиционным верованиям, этиологическим легендам и преданиям), так и к проявлениям индивидуального поэтического творчества. Много важной информации о трактовке звезд, планет и созвездий собрано в 1 томе этнолингвистического *Словаря народных стереотипов и символов* (Słownik 1996), полностью посвященном обзору космических явлений — небу и небесным светилам. Сведения разнообразного характера о том, как небесные светила понимаются разными славянскими народами, можно найти в посвященном звездам разделе этнолингвистического словаря *Славянские древности* (см. СДр 1 290-...). (О мифологических образах, связываемых южными славянами со звездами, см., напр. Плотникова 2000).

Известный литовский фольклорист и этнолог Йонас Балис (Balys 2000, 28) подчеркивал, что представители литовской крестьянской культуры хорошо знают и довольно часто упоминают три созвездия: *Большую медведицу*, лит. *Grįžulo ratai* (букв. 'Телега с дышлом', лат. *Ursa*), *Плеяды*, лит. *Sietynas* (букв. 'Светильник', 'Люстра', рус. диал. *Стожары*, лат. *Pleiades*) и *Орион*, лит. *Šienpjūviai* (букв. 'Жнецы сена', ср. рус. диал. *Грабли*; лат. *Orion*). То же можно сказать и о планете *Венера* (лат. *Venus*), которая традиционно связывается с двумя разными звездами: утренней звездой, лит. *Aušrinė* (*Заряница*) и вечерней звездой, лит. *Vakarinė* (*Вечерница*). По данным литовского толкового словаря LKŽ, кое-что было известно и о других планетах Солнечной системы. Считалось, что они определяют судьбу человека. Это сравнительно поздние представления, уже книжного происхождения. К перечисленным выше небесным светилам следует добавить *Полярную звезду*, лит. *Šiaurės (Šiaurinė) žvaigždė*, хорошо известную и славянским народам (Журавлев 2005, 310;

УМ 199). Другие созвездия или отдельные звезды в литовской этнической культуре упоминаются довольно редко.

Сходная картина обнаруживается и в текстах профессиональной литовской поэзии. По замечанию фольклориста и мифолога Нийоле Лауринкене (Laurinkienė 2019, 11), в балтийской традиции звезды и их лучи часто понимаются как знаки деятельности божеств или мифических персонажей более низкого ранга. Эти знаки уже в седой древности пробуждали в людях религиозные чувства и, конечно, поэтическое вдохновение.

1.2.

Литуанистических лингвистических работ, связанных с тематикой небесных светил, немного. Следует упомянуть статью шяуляйского лингвиста Руты Казлаускайте *Mėnulio stereotipai lietuvių poezijoje* («Стереотипы луны / месяца в литовской поэзии»), в которой автор приходит к выводу, что луна (месяц) и лунный свет в литовской профессиональной поэзии метафорически связываются с человеком или животным, цветущим растением, обрабатываемым сырьем или изделием из него, с некоторыми жидкостями, раскаленным телом, излучающим тепло (Kazlauskaitė 2009, 373). Теме луны (месяца) посвящено также этнолингвистическое исследование одного из соавторов данной статьи, в котором рассматриваются небольшие литовские традиционные молитвы молодому месяцу, с которыми обращались к небесному светилу с просьбами о красоте, молодости и здоровье (Jasiūnaitė 2006). Несколько фразеологизированных названий созвездий (лит. *Petro ramtis / lazda*, рус. букв. 'Палка / клюка Петра', *Trijų karalių žvaigždės*, рус. букв. 'Звезды трех королей') рассматривается в монографии вышеупомянутого автора (Jasiūnaitė 2010, 355–356). К сопоставительному анализу метафор можно также причислить нашу совместную статью о метафорах зари (восхода и заката) в литовской и русской поэзии (Jasiūnaitė, Kopickája 2014), хотя в ней рассматриваются трактовки не самого небесного светила — солнца, а вызванных им атмосферных явлений.

Что касается русской лингвистической литературы, то, насколько нам удалось проследить, метафоры звезд исследуются чаще всего в работах, посвященных идиостилю отдельных поэтов (Мандельштама, Нарбута, Тютчева и др.) как одному из способов отражения общей поэтической картины мира автора, а также в более общих работах, посвященных символике звезды, как, напр., в (Бакирова, Крюкова 2020), однако работ, посвященных метафорам небесных светил как лингвистическому (лингвопоэтическому) явлению, сравнительно немного; среди них можно указать, напр., монографию Эльвиры Рафаэлевны Хамитовой, в которой рассматривается концептуальная метафора «природа — человек» в русской поэтической картине (Хамитова 2009). Большой интерес

представляет статья Ольги Николаевны Заикиной, посвященная семантической классификации метафор и сравнений художественной речи в семантическом поле «Свет» (Заикина 2012). Источники излучения в статье сравниваются с другими предметами по разным признакам — по форме, цвету, блеску, функции, характеру движения и т.д., основные субъекты сравнения — луна, месяц, солнце, звезда, заря и др., а «вспомогательным субъектом сравнения выступают головные уборы, плоды, хлебные изделия, круглые объекты, сосуды, драгоценные камни и металлы, музыкальные инструменты, животные и растения, части лица и тела, монеты, орудия труда, механизмы и транспортные средства, жидкости и осадки» (там же, 149). В статье содержится ряд близких нам наблюдений над метафорой, которая, по словам автора, «на сегодняшний день является одним из самых интересных и сложных явлений языка, заслуживающих детального и полного научного изучения» (там же, 151). Сопоставительное изучение метафор звезд в литовской и русской поэтических системах — одного из самых распространенных и притягательных для поэтического воображения природных явлений, подтверждает приведенное выше мнение.

Следует отметить, что метафора — сложное явление, вызывающее споры среди лингвистов. Дискуссионным является проблема соотношения метафоры и сравнения. В данной статье, как и в прежних работах (Jasiūnaitė, Konickája 2004; Коницкая, Ясюнайте 2014), мы исходим из того, что сравнение можно интерпретировать как элемент метафорической конструкции и, таким образом, входит в широко понимаемую метафорическую сферу (см. также: Коницкая, Ясюнайте 2016, 187). Такое понимание, принятое в работах по когнитивной лингвистике, является плодотворным при анализе метафорических проявлений в текстах, относящихся к разным областям, в частности, в политическом дискурсе, в которых анализируются концептуальные метафоры. Можно сослаться на мнение Анатолия Прокопьевича Чудинова, который считает, что «при анализе концептуальной метафоры принимаются во внимание не только собственно метафоры, но и сравнительные обороты, разнообразные перифразы, метонимия и иные образные средства <...>; в равной степени рассматриваются слова, относящиеся к различным частям речи, лексико-грамматическим разрядам и семантическим объединениям» (Чудинов 2001, 37).

В статье используется также термин *фольклорная метафора*, образцом которой может служить литовская загадка о звездном небе: *Šimtą avių vienas piemio gano* (LTR, ‘Сто овец пасет один пастух’). Такая метафора тесно связана с контекстом: поскольку заранее известно, что это загадка, следовательно, в ней закодированы определенные объекты действительности, которые должен назвать отгадчик загадки. С другой стороны, в языке (если не учитывать его поэтическую ипостась) не существует значения *avis* ‘звезда’ или *piemio* ‘месяц’ метафорического происхождения, хотя сам образ небесного пастбища очень древний (подробнее см. Laurinkienė 2019, 25).

1.3.

Метафоры звезд, используемые в литовской и русской поэзии, можно условно распределить в шесть крупных семантических групп. Метафоры рассматриваемых небесных светил могут быть: 1) предметными (связанными с изготовленными людьми предметами); 2) антропоморфными (связанными с человеком и его социальными отношениями); 3) зооморфными (отражающими связи с миром животных); 4) биоморфными (отражающими поэтическое восприятие растительного мира); 5) связанными с объектами и явлениями неживой природы; 6) связанными с абстрактными понятиями. Эти группы различаются по объему, поэтому целесообразно подробно рассмотреть в отдельных статьях самые многочисленные группы, в первую очередь, предметные и антропоморфные метафоры, а метафоры, связанные с миром животных и растений, явлениями неживой природы и др., проанализировать в отдельной статье.

Группа предметных метафор оказалась не только самой многочисленной, но и самой интересной с этнолингвистической точки зрения, поскольку она открывает широкий спектр поэтических представлений. Эмпирический материал для данной работы собран из поэтического творчества обоих народов, как из печатных изданий, так и из интернет-источников. Мы проанализировали примеры из текстов 40 литовских и 54 русских авторов, преимущественно XX в., обращаясь в редких случаях к классическим текстам, например, для русской поэзии – к произведениям Александра Сергеевича Пушкина, Николая Алексеевича Некрасова, Афанасия Афанасьевича Фета, а в литовской – к Майронису. Примечательно, что в области метафорики звезд поэтические тексты показывают достаточную стабильность: примеры XIX в. не меняют, а подтверждают общую картину предметных метафор звезд в каждом из языков.

Предметные метафоры, в свою очередь, можно распределить на несколько более мелких семантических подгрупп. Прежде всего надо указать, что метафоры могут быть выражены как при помощи существительных (субстантивные метафоры), так и при помощи глаголов (глагольные метафоры). По нашим данным, субстантивные метафоры отличаются значительным разнообразием. Звезды в литовской и русской поэзии могут восприниматься как: 1) нечто написанное, начерченное, нарисованное, вышитое (буквы, письменные тексты, книги, различные чертежи, узоры); 2) осветительные приборы и другие средства для освещения; 3) одежда, ткани, пряжа, вязаные или плетеные предметы; 4) металлические, блестящие, обычно мелкие, округлые или острые предметы (украшения, монеты, гвозди, иглы, оружие и др.); 5) здания и их части; 6) кухонные принадлежности; 7) еда и напитки; 8) транспортные средства; 9) фрагменты крупных объектов, обломки. Первые четыре подгруппы, наиболее обширные, можно считать основными, остальные – периферийными.

Предметные глагольные метафоры, которые мы рассматриваем как отдельную подгруппу, с семантической точки зрения также неоднородны. Некоторые из них показывают, что звезды в поэтическом творчестве способны к активным действиям, к перемещению в пространстве или же испытывают определенные состояния: они *сыплются, падают, горят, катятся, висят* (лит. *byra, krenta, dega, rieda, kaba*). Другие примеры глагольных метафор показывают, что небесными светилами можно по-разному манипулировать: живая поэтическая фантазия позволяет звезды *собирать, разбрасывать, держать в горсти, повесить на небе, погасить*, ср. в литовской поэзии: *rinkti, žarstyti, laikyti saujoje, pakabinti danguje, užgesinti*. Эти метафоры кратко описаны в заключительной части исследования.

II.1.

Одна из самых распространенных субстантивных метафор, отражающих ассоциативные связи мира созданных человеком предметов и светящихся в пространстве космических объектов — метафора *звезды — письма или книги*. В литовской поэзии далекие небесные светила могут быть знаками букв или чисел, в том числе различных древних культур (*rašmenys* ‘письмена’, *runos* ‘руны’, *hieroglifai* ‘иероглифы’, *skaičiai* ‘цифры’): *išskaityti žvaigždynų pakrikusius rašmenis* (Aist) ‘прочитать рассыпавшиеся письма созвездий’; *neįskaitomos žvaigždyno runos* (Nėr) ‘нечитаемые руны созвездий’; *žvaigždžių hieroglifai Miež* ‘иероглифы созвездий’; *žvaigždžių skaičiai* (Miež) ‘звездные цифры’. Примечательно, что пересчитывание звезд имеет положительные коннотации и в литовской диалектной фразеологии, где выражение *žvaigždes skaičiuoti* означает ‘прекрасно выглядеть, быть гордым, величественным’, напр.: *Puiki mergina: ji eina, tai žvaigždes skaito* (FŽ 883) ‘Прекрасная девушка: она идет, словно звезды считает’.

Для русских авторов звезды, планеты или созвездия также являются письмами, буквами, складывающимися в алфавит: *Как письма, мерцают в тверди синей Плеяды, Вега, Марс и Орион* (Бун); *ночных светил живые письма* (Балтр); *буквы созвездий* (Брюс); *алфавиты созвездий* (Вол); рунами древних германцев: *не прочтет их звездных рун* (Хлебн); *темных бездн сияющие руны* (Бун); клинописью исчезнувших народов: *мерцающая клинопись созвездий* (Вол); таинственными иероглифами или магическими числами: [звезды —] *незыблемой мечты иероглифы* (Фет); *как магические числа — огни магические звезд* (Бел). В русской поэтической традиции встречается немало других вариантов данной метафоры. Небесные светила понимаются как знаки горькой или счастливой судьбы, вечности: *Под какими же звездными знаками мы на горе себе рождены?* (Ахм); *звезды как знаки Вечности* (Наб).

Некоторые амбициозные литовские поэты обещают не только прочесть «звездные тексты», но и составить в строфы книги из небесных светил: *skaitėi tu žvaigždžių raštas giedriom naktim* (Nėr) ‘ты читал звездные письма светлыми ночами’; *knygas iš žvaigždžių suposmuosiu* (Miež) ‘составлю в строфы книги из звезд’. Другие, напротив, жалуются, что не могут составить слова из звезд: *Iš žvaigždžių pasaulio knygų žodžio aš nesudėdau* (Mart) ‘Из звезд в книге вселенной я не могу сложить ни слова’. В литовской поэтической метафорике встречается не только *žvaigždžių knyga* ‘звездная книга’, но и летопись: *žvaigždėtu nakties padangės metraštį* (Miež) ‘звездную летопись ночного неба’. Метафора книги, особенно огненной, распространена и в русских поэтических текстах: *взгляну на огненную книгу* (Фет); *книгу звезд небесных* (Бун). Русские авторы склонны подчеркивать таинственность небесной книги или записи, предсказание неясного будущего, неизвестных поворотов судьбы. Экзистенциальное беспокойство особенно свойственно поэтам «Серебряного века», предчувствовавшим будущие катастрофы, сложные перемены в жизни общества и в своей личной участи: *какой судьбы, каких известий ты широко сияешь, книга?* (Хлебн); *В небе древнем и высоком я вижу записи судеб моих* (Гум). В русской поэзии такие записи приписываются сверхъестественным силам, вплоть до Господа: *Уж пишет грамоту Господь червонным золотом* (Нек).

Ночное небо, как уже упоминалось выше — это своего рода темный фон, на котором ярко выделяются светящиеся точки звезд. Поэтическая фантазия складывает из них сложные узоры, орнаменты, чертежи. Можно вспомнить в этой связи, что в литовском языке слово *raštas* значит не только письменный текст, документ, но и само действие — письмо, а также орнамент, узор, украшающий ткань, вязаную или вышитую вещь или любой другой предмет. Последнее значение встречается и в поэтической метафорике звезд: *Žvaigždžių jau raizgės raštas* (Vencl) ‘Уже сплетался узор звезд’; *Ko taip žvilga žvaigždynų raštai?* (Spud) ‘Почему так блестят узоры созвездий?’; *Paukščių tako skambus ornamentas* (Miež) ‘Звонкий орнамент Млечного Пути’. Русские поэты также весьма часто используют такие метафоры, отмечая, что звездные узоры, горя, причудливо переплетаются в небе: *Так ярко звезд горит узор* (Бун); *И кротко, сплетаясь в узоры, восходит звезда за звездой* (Балтр). Только в русской поэзии встречается метафорическое сравнение звезд с чертежом: *вселенной огненный чертеж* (Марш); *алмазных рун чертеж* (Вол).

Если темное небо или затянувшие его облака метафорически понимаются как ткань, полотно, то звезды на нем — вытканый или вышитый орнамент, ср. в стихотворении Казиса Брадунаса: *Debesų skara kutota austa žvaigždėmis* (Brad) ‘Платок облаков с бахромой выткан звездами’. В русских поэтических текстах нам удалось обнаружить не только ночное одеяние, вытканное сверкающим золотом ризы, но и расшитый небесный полог, и роскошную ткань —

бархат: *Живой узор из трепетных огней сплетает ночь на ризе златотканной* (Балтр); *Как шитый полог, синий свод пестреет частыми звездами* (Пуш); *Черный бархат неба звездами расшит* (Алд). Представление о ночном небе как ткани, полотне, скатерти или даже подушке, на которых рассыпаны или вышиты небесные светила, в высшей степени характерно для фольклорной метафоры, особенно в загадках, напр.: *Marška tiesta, žirniais sėta, viduryj tarielka (dangus, žvaigždės ir mėnuo)* (Laurinkienė 2019, 17) ‘Скатерть расстелена, горохом засеяна, посередине тарелка (небо, звезды, луна)’, ср. рус. *На избном коньке пестра подушка лежит (звезды)* (Даль 1989, 403).

II.2.

Другая подгруппа предметных метафор — *звезды — осветительные приборы, средства для освещения*. Едва ли не самым частым вариантом этой метафоры является *звезда — светильник, свеча*, который встречается в поэтических текстах обоих народов. В примерах выявлены названия различных светильников, начиная с самых простых, едва светящихся плашек или свечей из нутряного жира, сала вплоть до пышных люстр или лампадок, традиционно горящих у православных икон. Звездные свечи, как правило, зажигает и гасит олицетворенная природная стихия или суточное время, характеризующееся сумерками: *Vakaras uždega lajines žvakes danguje* (Dūd) ‘Вечер зажигает сальные свечи на небе’; [vėjas] *užpučia žvaigždučių mėlynas žvakes* (Miež) ‘[ветер] задувает синие свечи звездочек’, ср. в русской поэзии: *[Венера] как пламя воздухом колеблемой свечи* (Вол); *тепля свечку вечерней звезды* (Ес); *Вечер синюю свечкой звезду над дорогой моей засветил* (Ес). В русском фольклоре можно найти загадки, в которых используется та же метафора, напр.: *Поверх деревьев свечи теплятся (звезды)* (Загадки, 22).

Как известно, свет от звезд довольно слабый, неяркий. Это качество лежит в основе метафорических выражений *звезда — копилка, плошка, лампада*. Светильники такого типа едва светят мерцающим дрожащим огоньком, выглядящим весьма таинственно и вызывающим особое тоскливое, тягостное настроение: *Nustebus mirkčiojo balta Aušrinė kaip spingsulė* (Kub) ‘Удивленно мигала белая Заряница, как слабый светильник’; *Kažkas ten uždega žvaigždes — kaip spingsulę mama* (Miež) ‘Кто-то там зажигает звезды — как мама копилку’. Мерцающий огонек лампады ассоциируется у православных верующих также с религиозным опытом, духовным подъемом. Неслучайно ночное небо может напоминать поэту вечный храм, освещенный таинственным светом: *То вечный храм зажег свои лампады* (Григ); *И в небе теплятся лампады Семизвездья* (Вол).

Своеобразный контраст скромным светильникам, плошкам и лампадам составляет пышное созвездие Плеяд, по-литовски называемый *Sietynas* (рус. досл. ‘Люстра’), которое в шутовском стихотворении поэта литовского за-

рубежья Люне Сутема обещает снять с неба, чтобы освещать дорогу путникам: *Nukabinsiu tau dar Sietyną ir pašviesiu, tik važiuok!* (Sut) ‘Я сниму с неба Плеяды (Люстру), только чтоб ты ехал!’ Здесь автор искусно использует разные значения литовского слова *sietynas*: 1) ‘люстра’; 2) ‘созвездие Плеяды’.

От наблюдательного взгляда поэтов обоих народов не ускользает и несомненное сходство мерцающего ночью вдали света домов, который у многих вызывает ностальгию, воспоминание о семейном очаге, иллюзию домашнего счастья. Ожиданием уюта веет от строк Бориса Леонидовича Пастернака: *И крайняя звезда в конце села как свет в последнем домике прихода* (Паст).

Обычно в поэтических текстах подчеркивается эфемерное мерцание небесных светил, их временный характер, неисчислимость, ср. лит. *Žiburėliais mirga skliautais* (Kub) ‘Огоньками мерцает свод’; *Su žiburėliu dings tuojau žvaigždutė kažkokia* (Jušk) ‘С огоньком вот-вот пропадет какая-то звездочка’ и рус. *несметных огней вереница* (Фет); *Далеко на севере Капелла блещет семицветным огоньком* (Бун); *Огонек звезды вечерней тает, в пурпуре трепещет* (Бун). Панорамная картина сверкающего звездами неба может ассоциироваться с огнями большого города: *O pilnas dangus žiburių — lyg Paryžius* (Mart) ‘А полное звездами небо — словно Париж’. Иногда огонек звезды словно помогает лирическому герою общаться с оставшимися вдали близкими и родными, становясь связующим звеном, как, например, в известном стихотворении Паулюса Ширвиса, где умирающий воин обращается к любимой девушке: *Surask tą patį žiburį dangaus. Žiūrėsi tu, žiūrėsiu aš padangėn blausiom akim užgęstančio žmogaus* (Širv) ‘Найди тот же небесный огонек. Будешь смотреть ты, буду смотреть я в небо блеклым взглядом угасающего человека’. Та же метафора огня используется в поэтически нежном названии звезды в литовской диалектной фразеологии: *Dievo žiburėlis* ‘Огонек Бора’ (Jasiūnaitė 2010, 150).

II.3.

Весьма часто мерцающие звезды вызывают поэтические ассоциации с, казалось бы, прозаическими бытовыми предметами — различными тканями, вязаными, шитыми или плетеными вещами (полотном, одеждой, нитями, сетью, даже украшающими обувь бантами и др.). Метафора *звезды или их группы — одежда*, судя по нашим данным, довольно широко распространена в творчестве литовских авторов, где часто встречается сравнение Млечного Пути с лентой, поясом, полосой: *Istrižai per dangų visą Paukščių kelio juosta tįso* (Marc) ‘Наискосок по всему небу протянулась лента Млечного Пути’; *Kaip juosta per apvalų dangų ištiestas — tai Paukščių vadinamas kelias* (Mair) ‘Как лента протянута через все округлое небо — это Млечный путь’. Иногда живое поэтическое воображение подпоясывает звездами любимых: *O kurgi, susijuosus žvaigždėm, tu išeisi?* (Miež) ‘Куда же ты уйдешь, подпоясанная звездами?’.

Некоторые, более абстрактные варианты этой метафоры передают величие, торжественность, представляя широкую панорамную картину: *Naktis žvaigždėtu drabužiū apvilko dangų* (Sant) ‘Ночь надела на небо звездное одеяние’; *tėvynė <...> apsigobus žėrinčiais žvaigždynais* (Aist) ‘родина, покрывшись сияющими созвездиями’, ср. рус. *Звезд исполнен простор, в их лучистый убор наряжается бездна предвечная* (Балтр); *Весь небосклон в их траурном уборе* (Бун). Конкретные виды одежды связывает со звездами Эдуардас Межелайтис: [Prietema] *dėvi žvaigždžių suknele*; ‘[Сумрак] носит платье из звезд’; [nuometą] *iš žvaigždžių spindulių išaustą* ‘[накидку], вытканную из звездных лучей’; *mėlynąja žvaigždžių skarele* ‘синим платком из звезд’, ср. антропоморфную метафору у Владимира Владимировича Маяковского: *звезды в платочках из синего ситца* (Маяк). В русской поэзии звезда может быть и своеобразным украшением обуви: *Ригель¹ словно бант на башмаке* (Тен). Примечательно, что одежды звезд, солнца, луны отличаются яркостью и нарядностью, что напоминает мотив популярной во всей Европе сказки про Золушку, в литовском фольклорном варианте которой основная героиня, Элените, наряжается в сияющие одежды: *Elenytė išsiėmė žvaigždės rūbus, apsitaisė, atsisėdo žvaigždės karieton ir liepė vežliui bažnyčion važiuoti. Nuvažiavo ir apšvietė visą bažnyčią!* (LPĮ 2, 223) ‘Элените достала звездную одежду, нарядилась, уселась в звездную карету и приказала вознице ехать в церковь. Приехала и осветила [собой] всю церковь!’.

В произведениях литовских авторов мы не обнаружили метафорического сравнения звезд и созвездий с полотном, тканью, нитками. Это скорее особенность русской поэзии, напр.: *звезд изысканные ткани* (Бел); *От звезд текли серебряные нити* (Туш) (в последнем примере, по-видимому, имеются в виду не сами звезды, а испускаемые ими лучи). Млечный Путь связывается русскими авторами с белым похоронным одеянием: *Млечный Путь над заливами смутно белеет, точно саван ночной* (Бун). Как часто отмечается в авторских поэтических текстах, метафоры той же группы можно встретить в фольклоре, как, например, метафору *звездное небо — ковер* в русской загадке: *Рассыпался ковер по всем сторонам: никому не собрать — ни попам, ни дьякам, ни серебряникам (звезды)* (Даль 1989, 403).

Общим элементом в поэтических системах двух народов является метафора *звезды — сеть*, ср. лит. *Aplinkui žemę geltonu tinklu žvaigždė prie žvaigždės* (Jušk) ‘Вокруг земли желтой сетью — звезда к звезде’; *Naktis įpainiojo žemę į tinklą žvaigždėtąjį* (Dril) ‘Ночь завернула землю в звездную сеть’; *žvaigždynų tankiai megztas <...> tinklas* (Miež) ‘Тонко связанная сеть созвездий’ и рус. *Раскинуло свой звездный невод Время* (Балтр); *стынет Над ними голубая сетка звезд* (Лут); *[святые угодники] сушат на яблонях звездные сети* (Сам); *Под звездной сетью океан* (Бун).

1 Ригель – одна из звезд созвездия Орион.

11.4.

Довольно часто небольшие небесные светила в литовской и русской поэзии ассоциируются с изготовленными из сверкающего металла мелкими округлыми или острыми предметами: а) украшениями из драгоценных металлов и камней; б) металлическими деталями военного (конного) снаряжения (оружием, элементами упряжи); в) другими мелкими предметами указанной формы, используемыми в быту (монетами, пуговицами, гвоздями, иглами, булавками и под.).

Как литовским, так и русским авторам рассыпанные в небе звезды напоминают бусы или какую-либо их разновидность, напр., четки, елочные украшения и др., ср. лит.: *Pasaka dėvi žvaigždžių karoliais* (Nėr) ‘Сказка носит звездные бусы’; *dausoj <...> karoliai deimantų pabirę* (Sant) ‘бусы рассыпались алмазами по небу’; *žvaigždes ant varsčio sunarstę* (Kėkšt) ‘звезды нанизав на шнур’ и рус.: *слезы звезд — как четки на смуглой кисти Ангела Пустынь* (Бун); *звезды — елочные бусы* (Бел); *Ярче, чем средь мрака ожерелье звезд* (Балтр); *И звезды снизаны в мониста На нити тонкие лучей!* (Клыч). Поэты, демонстрируя знание астрономии, иногда с некоторой долей иронии говорят о планетах: так, в литовской поэзии, благодаря многозначности слова лит. *žiedas*, рус. *кольцо*, кольца Сатурна превращаются в украшения, а сама планета антропоморфизуется: *Tu žiedus saturnams nimaustai* (Žuk) ‘Ты снимаешь кольца у сатурнов’, ср. рус. *Тяжелее платины Сатурново кольцо* (Манд).

Гармонией человека и природы, нежной романтикой веет от метафорической картины — украшенной звездами девичьей косы, весенней ночи, родины или березы: *Mėnuo tave [tėviškę] kaip dukterį atlanko brangių ir žvaigždėmis papuošia tau kasas* (Kors) ‘Луна тебя [родину] навещает как дорогую дочь и украшает звездами твои косы’; *[žvaigždės] kritę į kasas pavasario nakties keistos* (Nyk-Nil) ‘[звезды], упавшие в косы странной весенней ночи’, ср. рус. *береза со звездой в прическе* (Паст); *У тебя в тяжелых косах Звезды были, говорят* (Манд). В поэтических текстах упоминаются и другие драгоценные украшения из звезд, которые могут символизировать и королевскую власть — цепь, корона: *žvaigždžių sidabrinės karūnos* (Drev) ‘серебряные короны звезд’, ср. рус.: *алмазную цепь Ориона* (Бун); *из звезд мой царственный венец* (Бальм).

В литовской и в русской поэзии обнаружены три предметные метафоры, учитывающие форму звезд: 1) *звезда — монета*: *kad pribyrėtų man žvaigždžių iš Paukščių tako — lyg variokų* (Miež) ‘чтобы насыпалось мне звезд с Млечного Пути — как медяков’; *krinta [žvaigždės] kaip varis vargšui į delną* (Miež) ‘падают [звезды], как медь нищему в ладонь’, ср. рус. *Звезды <...> похожи на разменную монету* (Март)², 2) *звезда — пуговица на одежде*: *Dvi žvaigždės lyg sagos*

2 Интересно, что ассоциативная связь *звезда — монета* может породить и «обратную» метафору, ср.: *Звезды золотые в темном кошельке* (Манд).

ištrūko (Bak) ‘Две звезды как пуговицы оборвались’; *Paskubom žvaigždeles atsaigstai* (Širv) ‘поспешно расстегиваешь звездочки’; ср. рус. *в небе висели пуговицы звезд* (Утк), 3) *звезда — гвоздь: žvaigždes lyg deimanto vinis* (Lun) ‘звезды как алмазные гвозди’. Последняя метафора довольно широко распространена в русской поэтической традиции, где ассоциация небесных светил с гвоздями вызвана сходством с их сверкающими круглыми головками: *Зодчий тьмы вбивает гвозди звезд* (Бальм); *Острый месяц — серебряная подкова <...> гвоздиками звезд прибита снова* (Леб); *в бархат ночи вбиты гвозди звезд* (Наб). Аналогичная метафора используется и в русских загадках: *Синие потолочины золотыми гвоздями притолочены (звезды на небе)* (МЖРФ 379), что показывает влияние фольклорных текстов на профессиональную поэзию, отмечавшееся, в частности, в творчестве Сергея Александровича Есенина (Евдокимова 2011). Вообще же метафоры данной подгруппы чаще встречаются в русской поэзии.

Округлая форма звезд может подчеркиваться ее сравнением с шариком рулетки в игорном доме. Величественная рулетка Зодиака и шарики звезд ассоциируются с уже упоминавшейся особенностью светил символизировать неопределенную, непостоянную судьбу человека — ведь так же незавидна и участь игрока: *Я тот, кто кинул шарики планет в огромную рулетку Зодиака* (Вол). Созвездия у Максимилиана Александровича Волошина могут быть и пламенеющими дисками: *Созвездий пламенные диски* (Вол). Оригинальную метафору *звезды — вотивные предметы (вотивы)* создал литовский поэт Римантас Станкявичюс: *Visi dangaus rėmai žibančių votų pilni* (Stank) ‘Все рамы неба полны сверкающих вотивов’³.

С другой стороны, мерцание звезд во тьме напоминает русским поэтам то золотые, то железные, а то и заржавленные булавки: *Мерцают звезд булавки золотые* (Манд); *Своей булавкой заржавленной достанет меня звезда* (Манд). Своеобразные уколы звезд, почти физически ощущаемая острота точно передаются метафорой *звезда — игла: иглы звезд* (Бел). Здесь, очевидно, также имеются в виду испускаемые небесными светилами лучи.

Для авторов в обеих поэтических традициях характерны также «воинственные» метафоры звезд, в которых используются названия острых и наточенных видов военного оружия (кинжалы, копья, мечи, стрелы, военные топоры): *žvaigždė kaip durklas aštri* (Miež) ‘звезда, острая, как кинжал’; [žvaigždėms] *laidant spindulius strėles į naktį* (Jušk) ‘[звездам], посылающим стрелы лучей в ночь’; *kaip degančios vilyčios⁴ puola spinduliai nepasiekiamų žvaigždžių* (Nag) ‘как горящие

3 Вотивы – ювелирные изделия из драгоценных металлов, традиционно приносимые в дар по обету ради исцеления или исполнения какого-либо желания и широко распространенные в католической церкви.

4 Сравнение лучей со стрелами в литовском языке может быть связано не только со звездами, ср. приведенное в LKŽ *Raudona vakaro saulė švystelėdavo juos (spindulius) kaip vilyčias į laibus tamsios girios kamienus* (J. Sav) ‘Красное вечернее солнце направляло их (лучи) как стрелы в тонкие стволы темной чащи’.

стрелы, нападают лучи недоступных звезд'. Следует, однако, отметить их бóльшую частотность и разнообразие в русской поэзии: *Блестят астральные клинки* (Заб); *Грозно сверкает во мраке меч Ориона* (Пол); *блеснет звезда <...> острым лезвием секиры* (Од); *Копьями звезд пригвождены* (Брюс). У древних воинов были и другие боевые атрибуты — щиты, шлемы, колчаны, которые также замечаются поэтами в бескрайнем звездном небе: *Po mirgiuoju žvaigždynų šalmi* (Širv) 'Под мерцающим шлемом звезд'; *заблещет звездный щит Стожар* (Бун); *Пылают звездные колчаны* (Заб).

Друг и надежный помощник воина, мужчины не только в военное, но и в мирное время — конь, части упряжи которого обычно сделаны из металла. Один из поэтических сборников К. Брадунаса, оказавшего большое влияние не только на литовскую поэзию эмиграции, но и на литературный процесс в Литве в целом, называется *Sidabrinės kamanos* ('Серебряная узда') — по известному, часто цитируемому стихотворению, в котором есть строчки: *Blizga Sietynas kaip sidabrinės kamanos* (Brad) 'Блестят Плеяды, как серебряная узда'. Лирический герой Йонаса Грайчюнаса — гордый всадник, украшая своего скакуна, взнуздывает его звездами: *Žirgą žvaigždėmis žaboju* (Graič) 'Я взнуздаю своего коня звездами'. Такие поэтические образы хорошо сочетаются со свойственным литовским авторам фольклоризированным мировосприятием. В русской поэзии образы той же подгруппы также изредка встречаются, ср.: *Где блещет алмазной подковой Полярный венец* (Бун); *под уздою звезды пятигранной* (Молч).

II.5.

Перейдем к относительно менее распространенным подгруппам предметных метафор звезд, которые не относятся к основным элементам литовской и русской поэтических метафорических систем. Первая из подгрупп — это *звезда (созвездие) — здание или его часть*. В ней выделяется популярная в литовской поэзии метафора *звезда — окно*. Так, у Бернардаса Бразджениса звезды — это сияющие окна Божьего дома: *Ir pro jas, lyg pro Viešpaties langus, rodės tau, lyg šaukimą girdžiu* (Brazdž) 'И сквозь них, как сквозь окна Господа, мне казалось, я слышу призыв'. Окна в поэзии бывают и у созвездий, и это наталкивает на мысль, что они являются зданиями: *ant žvaigždynų langų* (Gir) 'на окнах созвездий'. Редкий элемент — оконные ставни встретился в поэзии Э. Межелайтиса: *žvaigždžių langinės* (Miež) 'ставни звезд'. В русской профессиональной поэзии эта метафора редка, мы обнаружили только два примера: *далекие окна звезд* (Хол); *окна звезд огромной тучей Внезапно ночь заволокла* (Молч), хотя в фольклорной традиции она есть: *Небо — терем божий, звезды — окна, откуда ангелы смотрят* (Даль 1989, 256). Что под окном прячется небесное светило, можно убедиться и по литовским загадкам: *Pilnas stogas langelių. Visi*

pro juos žiūri ir nieko nemato (dangus ir žvaigždės) (LTs 5, 449) ‘Полна крыша окон. Все через них смотрят и ничего не видят (небо и звезды)’.

Русские авторы склонны видеть в звездном небе такой же купол храма, как и в строении на земле: *Смотрит серый, вековечный купол храма в купол звезд* (Ход), или же своды: *Взойдут огни небесных сводов* (Бун). В стихотворении Б. Пастернака «Рождественская звезда» величественное небесное светило, предсказывающее рождение Христа, сравнивается с пламенеющим зданием: *Она [Рождественская звезда] пламенела <...> как хутор в огне и пожар на гумне* (Паст). Осип Эмильевич Мандельштам упоминает целые города созвездий, висящих в пространстве, наполненные зданиями-шатрами: *И висят городами украденными <...> растяжимых созвездий шатры* (Манд). В поэзии М. Волошина упоминается жилище не человека, а пчел — улей: *в звездном улье* (Вол), что отчетливо коррелирует с зооморфной метафорой в русской поэзии *звезды — пчелы*: *А россыпь звезд всё небо серебрит, пчелиному уподобляясь рою* (Куз). В литовской поэзии к рассматриваемой метафоре относится также пример: *sudreba žvaigždynų pamatai* (Brad) ‘сотрясается фундамент созвездий’.

II.6.

Среди поэтических образов, связанных со звездами, еще более редка метафора *звезды — кухонные принадлежности*. В обеих поэтических традициях мы обнаружили по два случая реализации этой метафоры. Для литовских поэтов характерна ассоциация звезд с ситом, обычно используемым в быту для просеивания муки: *Žvaigždės, žvaigždės — tartum rėtis* (Brad) ‘Звезды, звезды — словно сито’; *žvaigždynų rėtis* (Bak) ‘сито созвездий’; *Iš žvaigždžių rėčio sniegas byrės čia* (Miež) ‘Снег посыплется из звездного сита’. Этот образ, вероятно, вызван диалектными названиями созвездия Орион (лит. *Sietynas*) — *Dangaus sietas* (K) ‘Небесное сито’, *žvaigždžių sietas* (Lkv) ‘звездное сито’ (данные из LKŽ 12, 252), ср. лит. диал. *sietas* ‘сито’. В одной этиологической легенде рассказывается о том, что женское мифическое существо повесило на небо свое сито, которое мы видим и сегодня (LTs 4, 512). В русской поэзии в этом случае используется образ ночного неба — решета, полного звезд: *набитое звездами решето* (Багр); *Звездное (небо ли) — решето* (Манд). Еще одна редко встречающаяся метафора связывает небесные светила с другим бытовым предметом — лукошком: *žvaigždžių kraitėj* (Gir) ‘в лукошке звезд’, ср. рус. *лукошки звезд* (Сед). Метафоры *звездного сита, решета, лукошка* возникли благодаря тому, что эти предметы обихода представляют собой плетеные вещи с пропускающими свет отверстиями, вызывающими ассоциации со звездами.

В русских метафорах этого типа часто используется метафора, связанная с созвездием Большой Медведицы, по форме напоминающим ковш. Особенно это характерно для детской поэзии, хотя встречается и во «взрослой»: *На небе*

ковшик золотой (Алд); У *Большого Ковша* больно ручка хороша! (Син); *Звезд в ковше Медведицы семь* (Манд). В литовской поэзии подобный образ не зафиксирован, однако, судя по литовскому повествовательному фольклору, данное созвездие кое-где называют *Kaušelis* (LTs 4, 422) ‘Ковшик’: название появилось в память о деревянном ковше, из которого девушка во время засухи дает напиток мучимым жаждой людям и животным, хотя сама испытывает жажду. Неоднозначной является метафора Б. Пастернака *звезда — плошка: Застенчивей плошки в оконце сторожки мерцала звезда по пути в Вифлеем* (Паст). Дело в том, что в современном русском языке слово *плошка* имеет значение ‘блюдце; глиняная миска’; устаревшее значение слова — ‘плоский, круглый сосуд с горючей жидкостью и фитилём или свечой для освещения’. Для такого светильника используется какая-либо негодная посуда. Подобная метафора (*звезды — посуда*) есть и в русских загадках; так, звезды могут кодироваться как разбитая посуда для питья: *Рассыпался стакан по всем городам, никому не собрать — ни попам, ни дьякам, ни нашим дуракам, ни серебряникам* (*звезды*) (Даль 1989, 403). Сравнение с посудой для питья находим также в авторской поэзии: *наигрывать из опереток на стаканчиках ясных звезд* (Уш), ср. также более высокий образ в поэзии Серебряного века: *Горит звезда, как золотая чаша* (Клыч); *Скоро во мраке засветит полночи чара — Звезда* (Брюс).

11.7.

Несколько чаще звезды ассоциируются в поэзии обоих народов с едой или напитком, однако это явление шире распространено в русской поэзии, где отмечается особая склонность метафорически связывать звезды с разлитым в небе молоком: *как будто кто-то пролил по небу молоко* (Алд); *и в звездах небо козье рассыпалось и молоком горит* (Манд). Эта тенденция в русской поэтической метафорике понятна, так как один из основных объектов звездного неба по-русски называется *Млечный Путь*. Поэтическое воображение позволяет пролиться звездному молоку из какого-либо сосуда: *как будто вытек Млечный Путь туда сквозь дырочку в бидоне* (Дяд). Творческая фантазия позволяет созвездиям даже посещать друг друга, чтобы одолжить молока или сливок: *[Большая Медведица] за сливками к Млечному ходит Пути* (Дяд).

Из «кулинарных» метафор узнаём, зачем «космической хозяйке» — Большой Медведице нужен ковш (см. предыдущую подгруппу метафор): *Вот Медведица Большая кашу звездную мешает большим ковшом* (Сап). Рассыпавшиеся в темном небе звезды могут напоминать также традиционное блюдо национальной русской кухни — крошку⁵: *Нам звезды — крошка* (Кл). Еще более экзотический

5 Крошка – холодный суп на квасе или кефире с мелко нарубленными овощами, зеленью и мясом.

«звездный суп» — уху находим в экстравагантных строках В. Маяковского: *Это Бог <...> дивной серебряной ложкой роется в звезд ухе* (Маяк). Густая сероватая уха с маленькими точками жира на поверхности, действительно, может ассоциативно связываться с туманным небом, полным звезд. Желтоватые, тускло светящиеся созвездия в поэтическом воображении коррелируют с жиром: *Золотые созвездий жиры* (Манд), ср. лит. *vakaro žvaigždės aliejui sunkiantis* (Miež) ‘когда просачивается растительное масло вечерней звезды’.

Мелкие рассыпанные в небе звезды побуждают поэтов связывать их с рассыпанной крупой: *крупна далеких звезд* (Брод). Похожую трактовку находим и в литовском традиционном сравнении: *Žvaigždės kaip kruopos, papiltos an dangaus* (Tr) ‘Звезды, как крупа, рассыпанная на небе’. Кстати, малым жанрам литовского фольклора не чуждо и ассоциирование небольших небесных светил с молочными продуктами: *Juodas katilas, pilnas varškės prikratytas (dangus ir žvaigždės)* (LTs 5, 449) ‘Черный котел, полный творога (небо и звезды)’. Иным, отсутствующим в фольклорной традиции, но отражающим реалии новой, городской жизни, является в русской поэзии сравнение звезд с рассыпавшимися леденцами — блестящим, прозрачным кондитерским изделием: *Над головой, как россыпь леденцов, лежали звезды в жестяной коробке* (Кек).

Литовской поэзии свойственно связывать звезды и их желтый цвет не с молоком, а с медом. Это весьма стертая метафора, иногда встречающаяся и в публицистических текстах на темы природы, была отмечена нами в творчестве молодого поэта Вайнюса Бакаса: *kol žvaigždynai dangaus ims kvepėti lyg grikių medus* Вак ‘пока небесные созвездия начнут пахнуть, как гречишный мед’; *žvaigždynų koriai, varvantys į juodą nakties degutą* (Вак) ‘соты созвездий, капающие в черный деготь ночи’. Здесь довольно удачно перефразировано известное выражение *šaukštas deguto medaus statinėje*, ср. рус. *ложка дегтя в бочке меда* ‘мелочь, портящая все’. В. Бакас создал еще одну оригинальную метафору из этой подгруппы: *žvaigždžių gvazdikėliai vune* Вак ‘гвоздика звезд в вине’. В основе метафоры лежит образ горячего рождественского вина, в которое, как известно, кладут приправу — гвоздику. Звезды как своеобразная приправа крепкого напитка интерпретируются и в русской поэзии: *настоянный на звездах передрагсветный воздух* (Ел), где мы имеем дело с реализацией метафоры *воздух — жидкость, напиток*. Вариант метафоры *звезды — жидкость* находим в строках: *И вместе станут пить коньяк небесных звезд* (Глазк).

Метафора Э. Межелайтиса *galaktikų kaip buterbrodų* (Miež) ‘галактик как бутербродов’ нам показалась не столько новой или современной, сколько безвкусной и довольно банальной, чего нельзя сказать о фольклорных метафорах, связанных с хлебом: *звезды — пироги, крошки*. Такие шуточные, на первый взгляд, фольклорные метафоры поднимают обыденную жизнь деревенских жителей до своего рода универсальности, позволяя осознать ее как

незначительную, но необходимую часть космических процессов: *Pilnas rėtis trupinių (žvaigždėtas dangus)* (LTs 5, 449) ‘Полное решето крошек (звездное небо)’; *Pilna marška trupinių ir bakanas duonos (žvaigždės ir mėnuo)* (TDr 9, 167) ‘Полна скатерть крошек и каравай хлеба (звезды и луна’, ср. рус. *Полна печь пирогов, посреди каравай (звезды, месяц)* (Даль 1989, 403)). Такова и шутливая, но приближенная к мировосприятию современного человека — представитель урбанистического сообщества, метафора Олега Александровича Юрьева: *Над горою взводный пекарь звезды хлебные печет — звезды хлебные бесследные у него наперечет* (Юр). Хлебная метафорика звезд встречается и у других русских поэтов, напр.: *И месяцу плачущему сыну дает вечерних звезд ковригу* (Хлеб); *вологодских звезд — золотых баранок* (Багр). Примеры, в которых звезды — это крошки сияющего солнца или луны, мы также отнесли к данной подгруппе: *луну покрошили на звезды* (Нарц); *искры звезд <...> горя как солнечные крохи от пира дня* (Балтр).

11.8.

К периферийным метафорам звезд относятся те случаи, когда рисунок созвездий на темном небе напоминает транспортное средство, а поэтическое воображение заставляет его двигаться, перемещая лирического героя в романтическом путешествии по космическим просторам. Для литовских поэтов такое созвездие — Большая Медведица, по-литовски называемое *Grįžulo ratai* (‘Воз с дышлом’)⁶. Шесть литовских авторов, творивших в разное время, от классика Майрониса (XIX в.) до наших современников Альгимантаса Балтакиса, Витаутаса Бложе, не только воспели это созвездие, но и были склонны покатаься на нем: *Įstumiu savo šešėlį į Grįžulo ratus ir šaukiu: „Važiuk!“* (Sut) ‘Втолкну свою тень на Воз и крикну: «Езжай!»»; *Ak, išvažiuosim netrukus Grįžulo ratais ir mes* (Balt) ‘Ах, скоро уедем в Колясочке и мы’. Последний пример настраивает на меланхолический лад: стареющий поэт имеет в виду смерть и путешествие души. Созвездие на темном небе со временем меняет свое положение, и людям кажется, что его колеса крутятся. Эта особенность подчеркивается в фольклоре, в традиционном счете времени, упоминают ее и

6 В русских диалектах известны семантически близкие литовскому названия этого созвездия: *Арба, Воз, Колесница, Колясочка* [СРНГ 1, 269; 5, 14; в 14, 128, 224], которые далее используются в переводах литовских примеров. Вообще, следует заметить, что подобные названия, иногда фразеологизированные, есть и в других славянских языках и их диалектах, напр.: *Воловий Воз, Косая Телега* (Воронежская обл.), *Хохлацкая Телега, Немецкий Фур* (Ср. Поволжье), укр. *Поламаний Віз* (Журавлев 2005, 312), ср. также слвн. *Kriva Kola* ‘Кривая телега’, что связано с легендой о волке (медведе), напавшем на телегу и съевшем одного вола, после чего человек (Бог) впряг зверя в телегу, и поскольку волк (медведь) не мог тянуть телегу прямо, то и искривил ее. (Сдр 5, 244).

поэты: *Grigo ratai apvirtę ant kelio, išgrįsto blaiiviai* (Mair) ‘Арба опрокинулась на светло вымощенной дороге’; *Grigo ratai apvirs, žvaigždės žemèn pabirs* (Blož) ‘Арба опрокинется, звезды наземь посыплются’. В метафорах фиксируется даже акустическое впечатление, вызванное этим небесным возом: *Ten Grįžulo ratai pragirgžda* (Žuk) ‘Там проскрипит Воз’; *Gervės Grįžulo ratuos girgždės* (Širv) ‘Журавли заскрипят в колесах Вова’.

Подобные упоминания созвездия Большой Медведицы есть и у русских поэтов: *Звездный Воз ему дорогу оглоблями кажет* (Багр). Другие авторы говорят о колесницах созвездий в более обобщенном виде: *Лунные возницы звездных колесниц* (Март); *Созвездий-колесниц восход* (Сид). Звезды в русской поэзии могут не только ездить, но и плавать по небу, подобно кораблям: *Мимо звезды шли, как корабли по голубой эмали* (Рат); *Но тот, кто мыслил Девой, взойдет в корабль звезды* (Ес). В творчестве литовских поэтов такие метафоры не обнаружены.

II.9.

Предметная интерпретация звезд может связываться не только с самостоятельными объектами действительности, но и с их фрагментами — осколками, обломками. Такие метафоры шире распространены, судя по нашим данным, в русской поэзии: *Сколько света набилось в осколок звезды на ночь глядя!* (Брод); *А над тобою звездных стай осколки* Ахм; *звездные осколки* (Сад). В литовской поэзии такие случаи более редки: *į naktį pro žvaigždynų lūženas* (Vaičiūn) ‘в ночь сквозь обломки созвездий’; *žvaigždę, skilusią per pusę* (Miež) ‘звезду, треснувшую пополам’.

II.10.

Как упоминалось выше, наряду с субстантивными предметными метафорами звезд, в поэтических текстах отмечены также глагольные метафоры. Довольно часто трудно определить, следует ли отнести метафорически приписываемое небесному светилу действие или состояние к живому субъекту или неживому объекту. Так, скорее о принадлежности к живому миру говорят характеризующие в литовской поэзии звезды действия *plevena, plazda, mirksi, virga*, ср. рус. *порхают, моргают, дрожат* и т.д. В данное исследование мы включили лишь распространенные выражения с переносным значением, которые несомненно связаны с предметной интерпретацией звезд, где используются глаголы, например, лит. *byra, krenta, dega, rieda, kaba*, рус. *сыплются, падают, горят, катятся, висят*. Такой подход позволяет передавать своего рода манипуляции с небесными светилами, осуществление различных действий с ними.

В литовской поэзии звезды могут восприниматься как различные мелкие объекты (см. II.4). Это вызывает мысль об их сыпучести, их способности широко распространяться в пространстве: *Žvaigždės giedros birtų ant kaktos* (Brazdž) ‘Звезды ясные сыпались бы на лоб’; *Gal nematai, kaip žvaigždės byra* (Mišk) ‘Может, ты не видишь, как сыплются звезды’; ср. рус. *Звезды сыпались над садом* (Луг); *россыпь новых звезд* (Вол). Небесные светила часто разбрасывает ночь, весна, представляемые антропоморфно, или какое-либо другое природное явление: *Paskui ateidavo naktis, barstydama dangun žvaigždes* (Mač) ‘Потом приходила ночь, разбрасывая по небу звезды’; *O pavasaris žarstys žvaigždes* (Nėr) ‘А весна будет разбрасывать звезды’; то же находим и в русской поэзии: *И вечер по небу рассыпал звездный куль* (Ес). Рассыпанное может быть и собрано, в том числе и в ладонь: *Akim žvaigždynus surenku pavargęs, neramus* (Vor) ‘Глазами собираю созвездия, устав и беспокоясь’, ср. также рус.: *Все звезды в твоей горсти* (Цвет).

Особенно часто в поэтических текстах обоих народов встречается образ падающей звезды, который различные авторы по-разному распространяют. Иногда падение звезды сопровождается своеобразным таинственным звучанием, звоном, создавая акустическое впечатление: *Visa padange puola žvaigždės tyliam sidabro skambesų* (Brad) ‘По всему небу звезды падают в тихом звоне серебра’, ср. рус. *И звезды падают, звеня* (Манд). Поэты часто точно указывают место падения звезд. Это или открытое пространство, такое, как поле, река, или же личное пространство человека — комната, даже рука, плечо: *Iš dangaus kris žvaigždės <...> ir sukris į lauką, liulantį rugiais* (Inč) ‘С неба упадут звезды <...> и попадают в поле, колышущее рожь’; *Į juodas jų šakas visą žiemą krinta šaltos žvaigždės* (Marc) ‘В черные их ветви всю зиму падают холодные звезды’; *Sulėkdavo pro langus žvaigždės* (Nyk–Nil) ‘Слетались звезды сквозь окно’; *Pilnos rankos prikrito žvaigždžių* (Brazdž) ‘Полные руки нападали звезд’, ср. рус. *Падали к нам на ковры – звезды* (Цвет); *Звезды падали мне на рукав* (Тарк). Русские поэты склонны подчеркивать божественную природу звезд, иногда их падение связывается с трагическими, апокалиптическими видениями: *К утру звезда золотая с божьих небес вдруг сорвалась — и упала* (Нек); *В горький час, когда созвездья с неба упадут* (Вол).

Падающие звезды своеобразно объясняются и мифологизируются в славянской и балтской этнических культурах. Славянские народы часто связывают это природное явление с душами мертвых, смертью, опасными мифическими существами: *Коли звезда падает, то это ангел за душой усопшего полетел; а если успеешь, не дав угаснуть этой искорке, пожелать чего-нибудь, то оно исполнится* (Даль 1996, 96). По мнению сербов, падающая звезда означает, что чья-то душа убежала из ада. Яркий мифологический характер в верованиях балканских славян носят представления о падающей звезде как о летящем змее

в облике раскаленного тела (Плотникова 2000, 252). На такое явление не разрешается смотреть: *На Льва Катанского (20 февраля) не глядеть на падающие звезды. Кто в этот день заболит, умрет* (Даль 1989, 339). По представлениям литовцев, падающая звезда означает чью-либо смерть: *Kožnas žmogus turi savo žvaigždę, kap toj žvaigždė krinta, tai ir žmogus miršta* (LTR) ‘У каждого человека есть звезда, и когда эта звезда падает, то и человек умирает’, ср. то же у русских: *Каждый человек на небе имеет свою звезду. Когда человек умирает, то звезда его падает с неба* (Слм 1027). Падение звезды во время календарных праздников, в сакральное время, может указывать на важные события в будущем: *Paskiau [per Kūčias] žiūria, kuriam šone žvaigždė krinta, nu tai iš to šono piršliai atvažiuos* (Кр) ‘Потом [в канун рождества] смотрят, с какой стороны звезда падает, ну так с той стороны сваты приедут’, ср. аналогичное у русских: *В какой стороне в святки звезда упадет, с той стороны жених* (Даль 1989, 339).

Неслучайно поэтическая метафора *žvaigždės dega* ‘звезды горят’ тесно связана с мотивом падения, символизирующим несчастливый поворот судьбы: *Гори, звезда моя, не падай*, — писал С. Есенин, словно предчувствуя свою собственную участь. Владас Шимкус, напротив, падение звезды и ее горение связывает с надеждой, своего рода моральным очищением, способностью уничтожить зло серой, иссушающей обыденности: *Įkris. Susikuls. Apakins. Pribers kibirkščius aplinkui. Ir viską, viską išdegins, kas žema, smulku, niekinga* (Šimk) ‘Упадет. Разобьется. Рассыплет кругом искры. И все, все низкое, мелкое, ничтожное выжжет’. Горящая, особенно яркая, приметная звезда — важный элемент поэтического пейзажа, излюбленный образ поэтов-классиков: *Dega žvaigždės aukštai* (Mair) ‘Горят звезды в вышине’; *Danguj dega žvaigždė Venera* (Rad) ‘В небе горит звезда Венера’, ср. рус. *Острей горит Вечерняя звезда* (Бун); *Она горит на всю округу* (Заб). Правда, иногда авторы в шутку говорят не о величественных просторах космоса, а об атмосфере чадной домашней кухни: *žvaigždynai svyla* (Brad) ‘созвездия пригорают’.

Чтобы звезды горели, нужно их зажечь на небе, на что может отважиться амбициозный лирический герой: *Duokit statyboje man pačiam žvaigždę — nors vieną — uždegti* (Sel) ‘Дайте на стройке мне самому звезду — хоть одну — зажечь’; *žvaigždes įžiebkite taip pat* (Rud) ‘И звезды тоже зажгите’. Эти небесные огоньки порой зажигают антропоморфизированные явления природы (*Звезды ночь зажгла*, Тарк) или сверхъестественные существа (*Бог <...> зажег огни — святые звезды Пса*, Бун). Романтический мечтатель — путник по небесным пространствам может погасить звезды, задувая их, как огоньки маленьких свеч и коптилок: *Ėmęs nupūščiau žvaigždes nuo bedugnio dangaus* (Мук-Put) ‘Принявшись, задул бы я звезды с бездонного неба’. Их может погасить и все-сильное время, которому подчиняются даже, казалось бы, вечные небесные светила: *Время погасит звезду* (Ан).

Падающие звезды в литовской и русской метафорических системах могут иметь и другие особенности — способность катиться. Эта способность хорошо коррелирует с рассмотренными выше особенностями семантики округлости и рассыпчатости мелких небесных светил. Падающая звезда катится как по широким просторам космоса, так и по земле, по поверхности находящихся на ней предметов: *Kai nakčia viršum žvaigždė nurieda* (Brad) ‘Когда ночью сверху скатывается звезда’; *Nukritusi žvaigždė riedėjo vieškeliu* (Nėr) ‘Упавшая звезда катилась по дороге’; *stiklu nuriedėjo žvaigždė* (Mart) ‘по стеклу скатилась звезда’, ср. в русской поэзии: *Скатилась звезда лилово...* (Куз). Катящаяся с небес звезда в русской этнической культуре, как уже упоминалось выше, связана с желаниями людей: их надо успеть загадать, пока звезда не упала. Аурой тайны, исполнения желаний полны строки Н. Некрасова: *Что было в мыслях тогда, как покатила звезда?* (Нек). Особенно тонкий, почти осязаемый образ катящихся звезд находим в русской загадке: *Катилися каточки по ясному мосточку, увидели зорю, пали в воду (звезды)* (Даль 1989, 403).

У литовских авторов висящая в небе звезда может вызвать смех: *Ir vėjuje žvaigždė pakimba taip nejuokingai — net juokinga* (Šimk) ‘И на ветру звезда повисла так не смешно, что даже смешно’. Тонкой иронией окрашены строки Генрикаса Радаускаса: *Padangėje kaba mėnulis ir kreivas žvaigždynas* (Rad) ‘В небе висит месяц и кривое созвездие’. Иронию вызывает неисполнимое желание и обещания снять звезды, оторванные от реальности «космические» усилия: *Ne veltui anuomet žadėjome žvaigždes nukarstyt nuo dangaus* (Mišk) ‘не зря в то время мы обещали сорвать звезды с неба’. В русской фразеологии известно насмешливое выражение *звезд с неба не хватает* — так говорят о весьма средних способностях, отсутствии таланта. Метафоры висящих небесных светил в русской поэзии показались нам теснее связанными с традиционным представлением о поэтических образах: *Жемчужные звезды повисли* (Брюс), *Висит тяжелою лампадой Большая тусклая звезда* (Нарц), хотя и здесь встречаются неожиданные, намеренно гиперболлизированные эталоны сравнения, отражающие современную эпоху: *Висели звезды как бильярдные шары* (Сосн).

III. ВЫВОДЫ

Сопоставительный анализ звена предметных метафор небесных светил (звезд, созвездий) в литовском и русском поэтических языках показал определенное сходство между ними. В группе субстантивных предметных метафор звезд, выявленных в поэзии двух народов, выделяется девять подгрупп. Наибольшее число предметных метафор в творчестве как литовских, так и русских поэтов относится к четырем группам, из которых самыми распространенными являются *звезды — буквы, знаки, письмена; звезды — осветительные при-*

борь, средства для освещения. Несколько реже встречаются метафоры *звезда — одежда, нити и звезды — небольшие округлые или острые предметы.* Еще более редкой являются метафоры *звезда — здание (его часть), звезды — кухонные принадлежности, звезды — еда или напиток.* Периферийное положение занимает метафора *звезда — транспортное средство.*

В каждой из подгрупп метафор выявлены различия двух поэтических систем, что может быть обусловлено различиями культур, устоявшимися в языке названиями созвездий. Так, среди реализаций метафор *звезда — средство для освещения* у литовцев встречается *Sietynas* ('люстра'), что связано с названием созвездия Орион, а в русских текстах — *лампада*, характерная деталь православного обихода, то же отмечено для специфических метафор Млечного Пути. Другие различия не столь очевидно связаны с культурно-языковыми различиями. Так, в литовской поэзии среди реализаций метафоры *звезды — напиток* встречаем *мед*, а в русской — *молоко, суп*; в обеих культурах среди продуктов питания — эталонов метафоры *звезда — еда* есть *крупа*, но у литовцев эталоном может выступать и *творог* и т.д.

Отмечено, что во многих случаях поэтическая авторская метафора и в литовском, и в русском языке связана с фольклорной традицией, в загадках, пословицах, легендах, традиционных представлениях, которые в ряде случаев оказываются общими (например, представления о звездах как окнах или верования о падающих звездах у литовцев и русских).

Сопоставительное исследование предметных метафор звезд в литовском и русском поэтическом языке показывает как общие структуры, так и специфическое их наполнение, что связано, с одной стороны, с особенностями индивидуального поэтического мира, с другой — с традициями устного народного творчества, особенностями быта и языка конкретного народа.

ЛИТЕРАТУРА

- Бакирова Айгуль Авзбековна, Крюкова Наталья Федоровна, 2020, Символические признаки концепта ЗВЕЗДА в русской языковой картине мира, *Вестник ТвГУ, Серия Филология* 2, 23–29.
- Евдокимова Людмила Викторовна, 2011, Метафоры фольклорной загадки как источник религиозной образности С. Есенина, *Вестник Сургутского государственного педагогического университета* 2, 92–98.
- Журавлев Анатолий Федорович, 2005, *Язык и миф*: Лингвистический комментарий к труду А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу», Москва: Индрик.
- Заикина Ольга Николаевна, 2012, «Небесные светила назначенным путем неведомая сила влечет...» (Е. Баратынский): семантическая классификация метафор и

- сравнений в семантическом поле «свет», *Cuadernos de Rusística Española* 8, 149–161, <https://revistaseug.ugr.es/index.php/cre/article/view/65/64>
- Коницкая Елена, Ясюнайте Бируте, 2016, Метафоры утренней и вечерней зари в литовской и русской поэзии, *Acta Baltico-Slavica* 40, Warszawa, 186–205, <https://ispan.waw.pl/journals/index.php/abs/article/view/abs.2016.006>
- Плотникова Анна Аркадьевна, 2000, Мифология атмосферных и небесных явлений у балканских славян, *Славянский и балканский фольклор. Народная демонология*, Москва: Индрик.
- Тайлор Эдуард, 1989, *Первобытная культура*, Москва: Издательство политической литературы.
- Хамитова Эльвира Рафаэлевна, 2009, *Концептуальная метафора «природа – человек» в русской поэтической картине мира XIX–XX веков: лингвокультурологический и лексикографический аспекты*, Уфа: РИО БашГУ.
- Чудинов Анатолий Прокопьевич, 2001, *Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000)*, Екатеринбург: УрГПУ.
- BALYS JONAS, 2000, Lietuvių liaudies pasaulėjauta tikėjimų ir papročių šviesoje, *Raštai 2*, Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 1–61.
- JASIŪNAITĖ VIRUTĖ, 2006, Maldelės į jauną mėnulį rytų Lietuvos folklore: etnolingvistinis aspektas, *Baltistica* 41(3), 473–488.
- JASIŪNAITĖ VIRUTĖ, 2010, *Šventieji ir nelabieji frazeologijoje ir liaudies kultūroje*, Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla.
- JASIŪNAITĖ VIRUTĖ, KONICKAJA JELENA, 2014, Universalios aušros ir saulėlydžio metaforos lietuvių ir rusų poezijoje, *Baltistica* 49(2), 315–329.
- KAZLAUSKAITĖ RŪTA, 2009, Mėnulio stereotipai lietuvių poezijoje, *Baltistica*, 44(2), 355–377.
- LAURINKIENĖ NIJOLĖ, 2019, *Dangus baltų mitiniame pasaulėvaizdyje*, Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas.

ИСТОЧНИКИ

- Даль — Даль Владимир Иванович, *Пословицы русского народа* 1–2, Москва: Художественная литература, 1989.
- Загадки 1968 — Митрофанова Вера Викторовна (сост.), *Загадки*, Ленинград: Наука.
- МЖРФ — Морохин Владимир Николаевич, *Малые жанры русского фольклора. Пословицы, поговорки, загадки*, Москва: Высшая школа, 1979.
- Сдр — Толстой Никита Ильич (ред.), *Славянские древности* 1–5, Москва: Международные отношения, 1995–2012.
- Слм — Афанасьев Александр Николаевич, *Славянская мифология*, Москва: Эксмо, 2008.
- СРНГ — *Словарь русских народных говоров*, Москва: Издательство Наука, 1965–2016.
- УМ — Войтович Валерий, *Українська міфологія*, Київ: Либідь, 2002.
- ЧЭ — Чувашская энциклопедия, <http://enc.cap.ru/?t=publ&lnk=2514>

- LKŽ – *Lietuvių kalbos žodynas* 1–20, 1941–2002, elektroninis variantas, red. kolegija: G. Naktinienė (vyr. redaktorė), J. Paulauskas, R. Petrokienė, V. Vitkauskas, J. Zabarskaitė, Vilnius: Lietuvių kalbos institutas, 2005, 2018, www.lkz.lt
- LPI – Basanavičius Jonas (sud.), *Lietuviškos pasakos įvairios* 1–4, Vilnius: Vaga, 1993–1998.
- LTs – *Lietuvių tautosaka* 1–5, Vilnius: Valstybinė politinės ir mokslinės literatūros leidykla, 1962–1968.
- Słownik 1996 – Bartmiński Jerzy (red.), *Słownik stereotypów i symboli ludowych 1: Kosmos, Niebo, światła niebieskie, ogień, kamienie*, Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej.
- TDr – Tautosakos darbai. Lietuvių tautosakos archyvo leidinys I–VII tm. Kaunas 1935–1940.

СПИСОК ЛИТОВСКИХ И РУССКИХ ПОЭТОВ

Литовские авторы

Aist	– J. Aistis	Marc	– J. Marcinkevičius
Bak	– V. Bakas	Mart	– M. Martinaitis
Balt	– A. Baltakis	Miež	– E. Mieželaitis
Blož	– V. Bložė	Mišk	– A. Miškinis
Bor	– K. Boruta	Myk-Put	– V. Mykolaitis-Putinas
Brad	– K. Bradūnas	Nag	– H. Nagys
Brazdž	– B. Brazdžionis	Nėr	– S. Nėris
Drev	– P. Drevinis	Nyk-Nil	– A. Nyka-Niliūnas
Dril	– A. Drilinga	Rad	– H. Radauskas
Dūd	– G. Dūdėnas	Rud	– V. Rudokas
Gir	– L. Giraitis	Sant	– S. Santvaras
Graič	– J. Graičiūnas	Sel	– E. Selielionis
Inč	– K. Inčiūra	Spud	– V. Spudas
Juš	– J. Juškaitis	Stank	– R. Stankevičius
Kėkšt	– J. Kėkštas	Sut	– Liūnė Sutema
Kors	– K. Korsakas	Šimk	– V. Šimkus
Kub	– K. Kubilinskas	Širv	– P. Širvys
Lun	– R. Lunskienė	Vaičiūn	– J. Vaičiūnaitė
Mač	– V. Mačernis	Vencl	– A. Venclova
Mair	– J. Mačiulis-Maironis	Žuk	– A. Žukauskas

Русские авторы

Алд	– Р. Алдоина	Ахм	– А. Ахматова
Ан	– П. Антокольский	Багр	– Э. Багрицкий

Балтр	– Ю. Балтрушайтис	Наб	– В. Набоков
Бальм	– К. Бальмонт	Нарц	– Б. Нарциссов
Бел	– А. Белый	Нек	– Н. Некрасов
Брод	– И. Бродский	Од	– И. Одоевцева
Брюс	– В. Брюсов	Паст	– Б. Пастернак
Бун	– И. Бунин	Пол	– Я. Полонский
Вол	– М. Волошин	Пуш	– А. Пушкин
Глазк	– Н. Глазкова	Рат	– Т. Ратгауз
Григ	– А. Григорьев	Сад	– Б. Садовой
Гум	– Н. Гумилев	Сам	– Д. Самойлов
Дяд	– Г. Дядина	Сап	– Г. Сапгир
Ел	– И. Елагин	Сед	– О. Седакова
Ес	– С. Есенин	Сид	– Ю. Сидоров
Заб	– Н. Заболоцкий	Син	– Ю. Синицын
Кек	– С. Кекова	Сосн	– В. Соснора
Клыч	– С. Клычков	Тен	– Н. Теннова
Клюев	– Н. Клюев	Туш	– В. Тушнова
Куз	– М. Кузмин	Утк	– И. Уткин
Леб	– В. Лебедев	Уш	– Н. Ушаков
Луг	– В. Луговской	Фет	– А. Фет
Манд	– О. Манделштам	Хлебн	– В. Хлебников
Март	– Л. Мартынов	Ход	– В. Ходасевич
Марш	– С. Маршак	Хол	– И. Холин
Маяк	– В. Маяковский	Цвет	– М. Цветаева
Молч	– И. Молчанов	Юр	– О. Юрьев

Subject Metaphors of STARS in Lithuanian and Russian Poetic Texts

Summary

The current article, that follows the research cycle analyzing natural phenomena metaphors, examines the star metaphors identified in the works of 40 Lithuanian and 54 Russian poets (mostly 20th century). It also studies the subject metaphors which constitute from the ethnolinguistic point of view the most numerous and most interesting group of six semantic subgroups of star metaphors. The subject metaphors of stars can be both substantive and verbal. However, the article focuses on substantive metaphors. They are divided into nine groups: 1) something written, drawn or embroidered (letters, written texts, books, drawings, figures); 2) lighting devices and other lighting means; 3) clothing, fabrics, yarn, knitted or woven items; 4) small metal, shiny, rounded or sharp objects (jewelry, coins, nails, needles, weapons, etc.); 5) buildings and their parts; 6) kitchen utensils; 7) food and drinks; 8) vehicles; 9) fragments of large objects and debris. The study showed

the similarity of the poetic systems of the two languages, in which the same metaphorical models are presented, as well as their differences. The largest number of subject metaphors of stars in both poetic traditions was found in the first four groups, the examples from the following three groups were less common, while the examples in which star metaphors related to vehicles were hardly found. The differences between the two poetic systems may be observed due to the differences in cultures and traditional names of stars and constellations in the languages. The article noted that the author's poetic metaphor in both Lithuanian and Russian could correlate with folklore tradition, that is with riddles, proverbs, legends and traditional beliefs, which are often common to the two languages.

KEYWORDS: metaphors of natural phenomena, Lithuanian poetry, Russian poetry, comparison of poetic metaphors, metaphorical model, metaphors of stars.
